ЭССЕ

Б.И. Есин, профессор кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ruslit.msu@yandex.ru

К СТОЛЕТИЮ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА, ПОЭТА И ВОЕНКОРА

Самыми авторитетными корреспондентами в армии во время Великой Отечественной войны для меня были К. Симонов, А. Твардовский и И. Эренбург.

Симонов вошел в нашу молодую жизнь прежде всего стихотворением «Жди меня». Это было универсальное стихотворение как для молодых, так и для пожилых солдат на фронте, это было произведение значимое для стариков в тылу, для матерей, жен, сестер, для всех, кого опалило невзгодами 1941 г.

Сейчас у меня в руках небольшая книжица 1942 г. К. Симонова «Лирика», сохранившаяся с тех военных времен. Подписана к печати 6 июля 1942 г., т.е. почти в первую годовщину войны. Как была нужна, дорога подобная книга в начале второго года войны! Именно книга лирики, т.е. выражения чувств взволнованной души, острых переживаний, сопоставлений, сравнений с чувствованиями поэта, его переживаниями и настроениями летом 1942 г. Большинство стихов было написано в первый год войны, до известного парада Красной Армии, в самый тяжелый период.

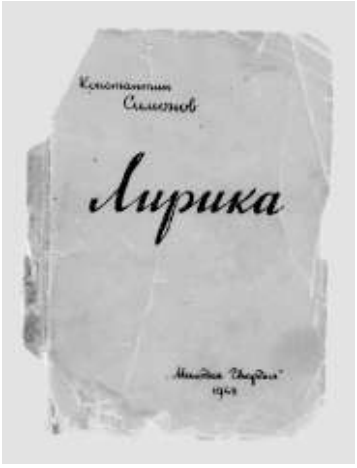

Рис. «Лирика» К. Симонова, 1942 г.

Книга начиналась широко известными в военные годы словами: «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?». Поэтическое обращение, некая фамильярность не означали, что к вождю обращались как к лично знакомому человеку. К нему обращались как к символу, олицетворявшему страну, центру объединения всех сил народа, который только и может спасти Родину, победить в разразившейся катастрофе. С одной стороны, такое обращение к Сталину обеспечивало скорейшее опубликование сборника

стихов. С другой стороны, таким началом (и это было главным) поэт хотел привлечь внимание Сталина к тому, что писали о войне корреспонденты, прозаики, поэты в своих стихах, чтобы их творчество стало дополнительной информацией для вождя, информацией о настроении народа, поведении солдат, армии.

Позднее, в своей книге «Глазами человека моего поколения» (М., 1989) Симонов писал: «...мне сейчас приятнее было бы думать, что у меня нет таких, например, стихов, которые начинались словами “Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?”, но эти стихи были написаны в 41-м году, и я не стыжусь того, что они были тогда написаны, потому что в них выражено то, что я чувствовал и думал тогда, в них выражена надежда и вера в Сталина» (с. 15).

Большинство стихов второго раздела сборника под заглавием «С тобой и без тебя» с уточнением месяца «до июня» и далее с указанием сторон света, куда поэта забрасывала война и профессия журналиста: «запад», «юг» и «север» — связано с любимой («Тринадцать лет...», «Если родилась красивой», «Я, верно, был упорней всех», «Ты говорила мне...») — они как бы готовят шедевр. И, наконец, главное:

«Жди меня и я вернусь,
Только очень жди».

Стихотворение «Жди меня» написано в первую годовщину войны. Оно было клятвой верности, просьбой, мечтой и надеждой, оно было присягой, уверенностью, что любящая женщина не изменит фронтовику, ибо люди «без спросу» на верность себя «обрекли». Оно подготовлено всеми стихами раздела «С тобой и без тебя», посвящено «В.С.» и напечатано предпоследним.

Вместе с песней Марка Бернеса «Темная ночь» (композитора Никиты Богословского) в картине «Два бойца» оно стало символом веры любящих сердец и остается им до сих пор.

Вторым в сборнике по значению и популярности было стихотворение «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины»[1]. Это стихотворение — не просто лирика. Это — лирико-эпическое произведение. К большим философским обобщениям подошел здесь Симонов. Здесь не только обмен лирическими чувствами двух поэтов-фронтовиков. Здесь вся Россия, весь народ, его героическая и трагическая история, судьба. Здесь и вечные русские женщины-«солдатки», провожавшие не раз на войну своих мужей, здесь и

[1] В книге «Журналисты XX века» (М., 2003) сказано, что стихотворение «Ты помнишь, Алёша...» напечатано в феврале 1943 г. под названием «Письмо к другу» (с. 161). Это большая неточность, оно напечатано, как мы видим, раньше.

вечная, неизбывная любовь матерей к солдатам, трагедия мирного населения, захваченного войной, несгибаемый характер русской женщины и военные пути-дороги. Здесь понимание того, что такое Родина, предки, терпение, верность обычаям, доброта, мудрость и вера. Его особенность не только в том, что это лирика. В своем обращении к фронтовому другу роль лирики чрезвычайно велика, но в нем Симонов поднимается до лироэпического пафоса. В произведении встает вся Древняя Русь с ее деревеньками, старыми погостами, летними заброшенными пажитями и могилами предков, молчаливой верой в изгнание врагов («Мы вас подождем»).

Лирика тихо перетекает в героику. «Дороги Смоленщины» отразились и в прозе Симонова как один из тяжелейших периодов отступления. Вот отрывок из его статьи «На старой Смоленской дороге»: «Когда я думаю о Родине, я всегда вспоминаю Смоленщину — ее дороги, ее белые березы, ее деревеньки на низких пригорках, и хотя я родился далеко отсюда, но именно эти места мне кажутся самыми родными, самыми милыми моему сердцу. Должно быть, это потому, что начинать войну приходилось именно здесь, на этих дорогах, и самая большая горечь, какая бывает в жизни, — горечь утраты родной земли — застигла меня здесь, в Смоленщине. Здесь я проезжал через деревни и знал, что через час по их пыльным улицам пройдут немцы. Здесь, оборачиваясь назад, я видел колосившиеся нивы, о которых я знал, что уже не мы их сожнем. Здесь, остановив машину для того, чтобы напиться у колодца воды, я не мог найти в себе силы посмотреть прямо в глаза крестьянам, потому что в глазах их был немой скорбный вопрос: “Неужели уходите?”, и я не мог ничего им ответить, кроме горького и скорбного “Да”». Эта цитата, бесспорно, подтверждает наше утверждение, что это стихотворение носит не только лирический, но и эпический характер и может быть названо одним из лучших стихотворений периода войны.

Продолжим цитирование: «С особенной болью, которая с тех пор живет во мне, не оставляя ни на минуту, я вспоминаю деревенские кладбища. В Смоленщине они обычно где-то совсем рядом с деревенькой, на холмике, под старыми раскидистыми деревьями. Деревенька маленькая — двадцать-тридцать избенок, а кладбище — большое. Много-много старых потемневших от ветра крестов... И когда смотришь на такой деревенский погост, чувствуешь, сколько поколений легло здесь в могилы, в свою землю, рядом со своими дедовскими и прадедовскими избами, чувствуешь, какая это деревня, какая это наша земля, как невозможно отдать ее, — невозможно так же, как невозможно вырвать у себя сердце и суметь после этого все-таки жить. Я говорю о себе, но

знаю, что то же самое чувствовали, испытывали все, кто отступал почти два года назад по смоленским дорогам. И я знаю больше: у нас в глубине души хранилась вера в свое возвращение, мы не верили, что можем умереть, не вернувшись сюда, не пройдя еще раз по этим местам»[2].

Сборник стихов 1942 г. обращает на себя внимание правдивым отображением военных событий. Скупо, строго документально пишет Симонов о кульминации военного сражения — атаке пехоты. Даже в стихах поэт находит верные слова, чтобы показать, что война, атака — это серьезный труд. Это не шустрый бег с криком «За родину!», «За Сталина!», а это тяжелая работа — не считая того, что она грозит смертью. Солдаты охотно слушали стихи, честно отражавшие будни войны, трагизм реалий войны — атаки (стихотворение «Атака»). Солдат не раздражали слова поэта об атаке пехоты. Это трудный бег, и какие непривычные прилагательные находит Симонов для этого: «...тяжелой походкой бежал по снегу. Грузный шаг по целине последних метров до окопов врага». Это не бодренькое “уря-уря”. В эти же годы поэт пишет о героях-летчиках, артиллеристах, танкистах. Иногда восторженно, романтично, но о пехоте — всегда просто, буднично, но от этого не менее сильно.

«Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Был должен броситься в атаку,
Винтовку вскинув на бегу,
Какой уютной показалась
Тебе холодная земля.
. . . . . .
Казалось, чтобы оторваться
Рук мало — надо два крыла.
Казалось, если лечь, остаться,
Земля бы крепостью была.
. . . . . .
Да, этим мыслям, ты им верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка.
Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.
Осталась только сила ветра
И грузный шаг по целине,

[2] *Симонов К.М., Эренбург И.Г.* В одной газете. М., 1984. С. 174.

И те последних тридцать метров,
Где жизнь со смертью наравне».

Симонов и в своей прозе о пехоте пишет так же скупо, сдержанно. Сравним, как Симонов позднее писал в «Красной звезде» об атаке пехоты в статье «Перед атакой» (1944) в г. Ровно. Всю ночь перед атакой младший лейтенант Цыганов вспоминает прежние бои, чтобы избежать ошибок. И вот момент атаки настал: «Поднявшись во весь рост, закусив зубами свисток, Цыганов громко свистит. Перешагивая через глиняную стенку, он бежит по косогору, за которым лежит знакомое ему еще только по названию село...»[3].

И тем не менее во всем сборнике «Лирика» почти в каждой строке звучит вера в Победу: от стихотворения «Жди меня» до стихотворения «Родина». Не только в 43-м году, но уже в 41-м Симонов верит в Победу.

«Великим словом» называется слово «победа», «праздником» и «наградой» (стихотворение «Великое слово»). «День придет: от Севера до Юга крылатая свобода прилетит» (стихотворение «Голос далеких сыновей»). «Кусок земли, припавший к трем березам... при жизни никому нельзя отдать» (стихотворение «Родина»).

И на последней странице сборника Симонова «Лирика» в стихотворении «Секрет победы» устами летчика Терехина поэт говорит:

«В чем секрет победы?
В том, чтобы упрямым быть.
. . . . . .
...Не хочешь смерти — будь храбрым!
Вот вам и весь секрет!»

Константин Симонов после войны не раз выступал в МГУ в большой академической аудитории вместе с другими поэтами-фронтовиками. И я как сейчас слышу его сильный, чуть с хрипотцой и небольшой картавинкой голос. Этого забыть нельзя.

[3] *Симонов К.* От Черного до Баренцева моря. М., 1948. С. 80.